

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжной,
На лирѣ легкой и небрежной
Спартинны были напѣваешь,
И музѣ вѣрной посвящаешь
Часы безцѣннаго досуга...
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь съ вѣпреной молвой,
Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
Забылъ и трудъ уединенный,
И звуки лиры дорогой.
Опъ гармонической забавы
Я, нѣгой упоенъ, опвыкъ...
Дышу шобой — и гордой славы
Невнященъ мнѣ призывный кликъ!
Меня покинулъ шайный геній
И вымысловъ, и сладкихъ думъ;

Любовь и жажда наслажденій
 Оди преслѣдуютъ мой умъ.
 Но ты велишь, но ты любила
 Разказы прежніе мои,
 Преданья славы и любви;
 Мой богатырь, моя Людмила,
 Владимірь, вѣдьма, Черноморь,
 И Финна вѣрныя печали
 Твое мечпанье занимали;
 Ты, слушая мой легкой вздоръ,
 Съ улыбкой иногда дремала;
 Но иногда свой нѣжный взоръ
 Нѣжнѣе на пѣвца бросала...
 Рѣшусь; влюбленный говорунъ,
 Касаюсь вновь дѣливыхъ спрунъ;
 Сажусь у ногъ пивохъ, и снова
 Бренчу про вишязя младаго.

Но что сказала я? Гдѣ Русланъ?
 Лежитъ онъ мертвый въ чиспомъ полѣ;
 Ужъ кровь его не льется болѣ,
 Надъ нимъ летаетъ жадный вранъ,

Безгласенъ рогъ, недвижны лапы,
Не шевелился шлемъ космашый!

Вокругъ Руслана ходишь конь,
Поникнувь гордой головою,
Въ его глазахъ исчезъ огонь!
Не машешь гривой золопою,
Не пѣшишься, не скачешь онъ,
И ждешь, когда Русланъ воспрянешъ...
Но князя крѣпокъ хладный сонъ,
И долго щипъ его не грянешъ.

А Черноморь? Онъ за сѣломъ,
Въ копомкѣ, вѣдьмою забытый,
Еще не знаетъ ни о чѣмъ;
Успалый, сонный и сердитый
Княжну, героя моего
Бранилъ опъ скуки молчаливо;
Не слыша долго ничего,
Волшебникъ выглянулъ — о диво!
Онъ видишь, богатырь убишь;
Въ крови попопленный лежишь;

Людмилы вѣпть, все пусто въ полѣ;
Злодѣй опъ радости дрожишь
И мнишь: свершилось, я на волѣ!
Но старый карла былъ неправъ.

Межъ тѣмъ, Наинной осѣненный,
Съ Людмилой, тихо усыпленной,
Спремися къ Кіеву Фарлафъ:
Лешипъ, надежды, страха полный;
Предъ нимъ уже Днѣпровски волны
Въ знакомыхъ пажитяхъ шумящъ;
Ужъ видишь злаповерхій градъ;
Уже Фарлафъ по граду мчися,
И шумъ на спогнахъ восплаётъ;
Въ волненьи радостномъ народъ
Валишь за всадникомъ, тѣснися;
Бѣгушь обрадовать опца:
И вопъ измѣнникъ у крыльца.

Влача въ душѣ печали бремя,
Владиміръ-солнышко въ по время
Въ высокомъ шеремѣ своёмъ

Сидѣлъ, помясь привычной думой.
Бояре, випязи кругомъ
Сидѣли съ важностью утрюмой.
Вдругъ внемлеть онъ: передъ крыльцомъ
Волненье, крики, шумъ чудесный;
Дверь опворилась; передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣспный;
Всѣ вспали съ шопопомъ глухимъ,
И вдругъ смушились, занумѣли:
« Людмила здѣсь! Фарлафъ... уже ли? »
Въ лицѣ печальномъ измѣнясь,
Вспаепъ со спула спарый князь,
Спѣшипъ тяжелыми шагами
Къ несчастной дочери своей,
Подходитъ; опчими руками
Онъ хочеть прикоснушься къ ней;
Но дѣва милая не внемлеть,
И очарованная дремлеть
Въ рукахъ убійцы — всѣ глядяпъ
На князя въ смушномъ ожиданьи;
И спарець безпокойный взглядъ
Впериль на випязя въ молчаньи.

Но, хипро перспѣ къ успамъ прижавъ,
« Людмила спипь, » сказала Фарлафъ:
« Я шакъ нашель ее недавно
« Въ пуспынныхъ Муромскихъ лѣсахъ
« У злаго лѣшаго въ рукахъ;
« Тамъ совершилось дѣло славно;
« Три дня мы билися; луна
« Надъ боемъ прижды подымалась;
« Онъ палъ, а юная княжна
« Мнѣ въ руки сонною доспалась;
« И кпо прерветъ сей дивный сонъ?
« Когда наспанепъ пробужденъ?
« Не знаю — скрыпъ судьбы законъ!
« А намъ надежда и шерпѣнье
« Одрѣ оспались въ упѣшенъе. »

И вскорѣ съ вѣспью роковой
Молва по граду полешѣла;
Народа песпрою шолпой
Градская площадь закипѣла;
Печальный шеремъ всѣмъ опкрыпъ;
Толпа волнуешся, валипъ

Туда, гдѣ на одрѣ высокомъ,
 На одѣялѣ парчевомъ
 Княжна лежишь во снѣ глубокомъ;
 Князья и вишязи кругомъ
 Спояшь унылы; гласы шрубны,
 Рога, шимпаны, гусли, бубны
 Гремятъ надъ нею; шпарый князь,
 Тоской тяжелой изнурясь,
 Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
 Приникъ съ безмолвными слезами;
 И блѣдный близъ него Фарлафъ
 Въ нѣмомъ раскаяннѣ, въ досадѣ,
 Трепещеть, дерзоспъ поперявъ.

Настала ночь. Никто во градѣ
 Очей безсонныхъ не смыкалъ;
 Шумя, шѣснились всѣ другъ къ другу;
 О чудѣ всякой полковаль;
 Младой супругъ свою супругу
 Въ свѣплицѣ скромной забываль.
 Но только свѣпъ луны двурогой
 Исчезъ предъ ушренней зарѣй,

Весь Кіевъ новою тревогой
 Смутился. Клики, шумъ и вой
 Возникли всюду. Кіевляне
 Толпяся на спѣнѣ градской...
 И видящъ: въ упореннѣ шуманѣ
 Шапры бѣлѣюшъ за рѣкой ;
 Щипы, какъ зарево, блиспаюшъ ;
 Въ поляхъ наѣзники мелькаюшъ ,
 Вдали подъемля черный прахъ ;
 Идушъ походныя шелеги ,
 Коспры пылаюшъ на холмахъ.
 Бѣда: воспали Печенѣги!

Но въ эпо время вѣщій Финнѣ,
 Духовъ могучій власпелинѣ,
 Въ своей пуспынѣ безмяшежной,
 Съ спокойнымъ сердцемъ ожидаль,
 Чшобъ день судьбины неизбежной,
 Давно предвидѣнный, воспаль.

Въ нѣмой глуши степей горячихъ,
 За дальной цѣпью дикихъ горъ,

Жилища въпровъ, бурь гремучихъ,
 Куда и вѣдмы смѣлый взоръ
 Проникнушь въ поздній часъ боишься,
 Долина чудная шаишься,
 И въ шой долинь два ключа:
 Одинъ печепъ волной живою;
 По камнямъ весело журча,
 Топъ льешся *мертвою* водою;
 Крутомъ все пихо, вѣпры спяшь,
 Прохлада вешняя не вѣепъ,
 Сполѣпни сосны не шумяшь,
 Не вьются пщицы, лань не смѣепъ
 Въ жаръ лѣпній пипъ изъ пайныхъ водъ;
 Чеша духовъ съ начала міра,
 Безмолвная на лонѣ мира,
 Дремучій берегъ спережепъ...
 Съ двумя кувшинами пуспыми
 Предспаль опщельникъ передъ ними;
 Прервали духи давній сонъ,
 И удалились спраха полны.
 Склонившись, погружаепъ онъ
 Сосуды въ дѣвспивенныя волны;

Наполнилъ, въ воздухѣ пропасть,
И очутился въ два мгновенья
Въ долину, гдѣ Русланъ лежалъ
Въ крови, безгласный, безъ движенья;
И спалъ надъ рыцаремъ спарикъ,
И вспрыснулъ мершвою водою,
И раны засіяли вмигъ,
И шрупъ чудесной красотою
Процвѣлъ; тогда водой живою
Героя спарецъ окропиль,
И бодрый, полный новыхъ силъ,
Трепеща жизнью молодою,
Вспаепъ Русланъ, на ясный день
Очами жадными взираепъ,
Какъ бѣзобразный сонъ, какъ пѣнь,
Предъ нимъ минувшее мелькаепъ.
Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ!
Въ немъ сердце вспыхнувъ замираепъ.
Вдругъ випязъ вспрынулъ; вѣщій Финнъ
Его зовепъ и обнимаепъ:
« Судьба свершилась, о мой сынъ!
Тебя блаженство ожидаепъ;

Тебя зовешъ кровавый пиръ;
 Твой грозный мечъ бѣдою грядешъ;
 На Кіевъ сидешъ кропкій миръ,
 И памь она шебѣ предспанешъ.
 Возми завѣрное кольцо,
 Коснися имъ чела Людмилы,
 И шайныхъ чаръ исчезнухъ силы,
 Враговъ смушишъ швое лицѣ,
 Наспанешъ миръ, погибнешъ злоба.
 Доспойны счасшья будше оба!
 Проспи надолго, вишязь мой!
 Дай руку... памь, за дверью гроба —
 Не прежде — свидимся съ шобой! »
 Сказалъ, исчезнулъ. Упоенный
 Воспоргомъ пылкимъ и нѣмымъ,
 Русланъ, для жизни пробужденный,
 Подъемлепъ руки вслѣдъ за нимъ...
 Но ничего не слышно болѣ!
 Русланъ одинъ въ пусшынномъ полѣ;
 Запрыгавъ, съ карлой за сѣдомъ,
 Руслановъ конь неперпѣливой
 Бѣжипъ и ржешъ, махая гривой;

**

Ужь князь гошовъ, ужь онъ верхомъ,
Ужь онъ лепишъ живой и здравый
Черезъ поля, черезъ дубравы.

Но между пѣмъ какой позоръ
Являешъ Кіевъ осажденный?
Тамъ, успремивъ на нивы взоръ,
Народъ, уныньемъ пораженный,
Споишъ на башняхъ и спѣнахъ,
И въ страхѣ ждешъ небесной казни;
Спенанья робкія въ домахъ,
На спогнахъ пищина боязни;
Одинъ, близъ дочери своей,
Владиміръ въ гореспной молишвѣ;
И храбрый сонмъ богатырей
Съ дружиной вѣрною князей
Гоповишся къ кровавой бишвѣ.

И день насталь. Толпы враговъ
Съ зарею двинулись съ холмовъ;
Неукропимыя дружины,
Волнуясь, хлынули съ равнины

И попекли къ спѣнѣ градской;
Во градѣ прубы загремѣли,
Бойцы сомкнулись, полепѣли
Навспрѣчу раши удалой,
Сошлись — и заварился бой.
Почуя смерть, взыграли кони,
Пошли спучать мечи о брони;
Со свиспомъ шуча спрѣль взвилась,
Равнина кровью залилась;
Спремглавъ наѣздники помчались,
Дружины конныя смѣшались;
Сомкнушой, дружною спѣной
Тамъ рубился со спроемъ спрой;
Со всадникомъ шамъ пѣшій бѣшся;
Тамъ конь испуганный несешся;
Тамъ Рускій палъ, шамъ Печенѣгъ;
Тамъ клики бипвы, шамъ побѣгъ;
Топъ опрокинушь булавою;
Топъ легкой пораженъ спрѣлою;
Другой, придавленный щипомъ,
Распопшанъ бѣшенымъ конемъ...
И длился бой до шемной ночи;

Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ!
За грудями кровавыхъ пѣлъ
Бойцы сомкнули помны очи,
И крѣпокъ былъ ихъ бранный сонъ;
Лишь изрѣдка на полѣ бишвы
Былъ слышенъ падшихъ скорбный стонъ,
И Рускихъ выпязей молишвы.

Блѣднѣла упренняя пѣнь,
Волна сребрилася въ попокъ,
Сомнительный раждался день
На опуманенномъ воспокъ.
Яснѣли холмы и лѣса,
И просыпались небеса.
Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
Дремало поле боевое;
Вдругъ сонъ прервался: вражій спанъ
Съ превогой шумною воспрянулъ,
Внезапный крикъ сраженій грянулъ;
Смушилось сердце Кіевлянъ;
Бѣгутъ нестройными шолпами
И видяпъ: въ полѣ межъ врагами,

Блิสлая въ лапахъ, какъ въ огнѣ,
Чудесный воинъ на конѣ
Грозой несется, колешъ, рубишь,
Въ ревущій рогъ, лешая, шрубишь...
То былъ Русланъ. Какъ Божій громъ
Нашъ вишязь палъ на басурмана;
Онъ рыщешъ съ карлой за сѣдомъ
Среди испуганнаго спана.
Гдѣ ни просвищешъ грозный мечъ,
Гдѣ конь сердитый ни промчешся,
Вездѣ главы слепающъ съ плечъ,
И съ воплемъ спрой на спрой валишся;
Въ одно мгновенье бранный лугъ
Покрыпъ холмами шѣлъ кровавыхъ,
Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
Громадой копій, спрѣлъ, кольчугъ.
На шрубный звукъ, на голосъ боя
Дружины конныя Славянъ
Помчались по слѣдамъ героя,
Сразились... гибни, басурманъ!
Объемлешъ ужась Печенѣговъ;
Пипомцы бурные набѣговъ

Зовушь разсѣянныхъ коней,
Пропивившись не смѣюшь болѣ,
И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
Бѣгушь опгь Кіевскихъ мечей,
Обречены на жерпву аду;
Ихъ сонмы Рускій мечъ казнишь;
Ликуешь Кіевъ... Но по граду
Могучій богатырь лепишь;
Въ десницѣ держишь мечъ побѣдной;
Копье сіяешь какъ звѣзда;
Спруишься кровь съ кольчуги мѣдной;
На шлемѣ вьется борода;
Лепишь, надеждой окриленный,
По спогнамъ шумнымъ въ княжій домъ.
Народъ, воспоргомъ упоенный,
Толпится съ кликами кругомъ,
И князя радость оживила.
Въ безмолвный перемъ входишь онъ,
Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила;
Владиміръ, въ думу погружёнъ,
У ногъ ея спояль унылый.
Онъ былъ одинъ. Его друзей

Война влекла въ поля кровавы.
Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
Вдали опъ вражескихъ мечей,
Въ душѣ презрѣвъ шревоги спана,
Спояль на спражѣ у дверей.
Едва злодѣй узналъ Руслана,
Въ немъ кровь оспыла, взоръ погасъ,
Въ успахъ опкрыпыхъ замеръ гласъ,
И паль безъ чувспвъ онъ на колѣна..
Доспойной казни ждепъ измѣна!
Но, помня шайный даръ кольца,
Русланъ лепипгъ къ Людмилѣ спящей,
Ея спокойнаго лица
Касаепся рукой дрожащей...
И чудо: юная княжна,
Вздохнувъ, опкрыла свѣплы очи!
Казалось, будшо бы она
Дивилася споль долгой ночи;
Казалось, чшо какой-шо сонъ
Ее помиль мечпой неясной,
И вдругъ узнала — эшо онъ!
И князь въ обяпцяхъ прекрасной.

Воскреснувъ пламенной душой,
Русланъ не видишь, не внимаешь,
И спарець въ радости нѣмой,
Рыдая, милыхъ обнимаешь.

Чѣмъ кончу длинный мой рассказъ?
Ты угадаешь, другъ мой милой!
Неправый спарца гнѣвъ погасъ;
Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой
У ногъ Руслана объявилъ
Свой сшъдъ и мрачное злодѣйство;
Счастливыи князь ему просшилъ;
Лишенный силы чародѣйства,
Былъ принятъ карла во дворець;
И, бѣдсвѣи празднуя конецъ,
Владимѣръ въ гридницѣ высокой
Запировалъ въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней
Преданья спарины глубокой.

Э П И Л О Г Ъ.

Такъ, міра жипель равнодушной,
На ловѣ празднои пишины,
Я славиль лирою послушной
Преданья шемной спарины.
Я пѣль — и забываль обиды
Слѣпаго счастья и враговъ,
Измѣны вѣпренои Дориды,
И слепни шумныя глупцовъ.
На крыльяхъ вымысла носимой,
Умъ улепаль за край земной;
И между шѣмъ грозы незримой
Сбиралась пуча надо мной!...
Я погибаль... Свяшой хранипель

Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
 О дружба, нѣжный упѣшишель
 Болѣзненной души моей!

Ты умолила непогоду;
 Ты сердцу возвратила миръ;
 Ты сохранила мнѣ свободу,
 Кипящей младости кумиръ!
 Забытый свѣшомъ и молвою,
 Далече опъ береговъ Невы,
 Теперь я вижу предъ собою
 Кавказа гордыя главы.

Надъ ихъ вершинами крупными,
 На скапѣ каменныхъ спремнинъ,
 Пишаюсь чувстввами нѣмыми
 И чудной прелестью каршинъ
 Природы дикой и утрюмой;
 Душа, какъ прежде, каждый часъ
 Полна помпшельною думой —
 Но огонь поэзіи погасъ.

Ищу напрасно впечатлѣній:
 Она прошла, пора сппховъ,
 Пора любви, веселыхъ сновъ,

Пора сердечныхъ вдохновеній!
Воспорговъ крапкій день прошекъ —
И скрылась опъ меня навѣкъ
Богиня шихихъ пѣснопѣній...